

«Северная модель» и политика России

Наталья Маркушина

Концепция «Нового Севера» была представлена исландским президентом Олафуром Гримссоном в 2003 г. на шестой Генеральной ассамблее Северного форума как стратегия северных стран в мировой политике, по ключевым вопросам политики в Северном регионе. Она включает в себя такую проблематику, как:

- регионального сотрудничества;
- «мягкой безопасности»;
- работы северных правительственных и неправительственных организаций;
- совместных программ (в частности, «Северного измерения»).

Несомненно, подобная концепция не может не представлять интерес для формирования «северного вектора» внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Тем более именно в вопросах северной политики («Северное измерение», «Арктическое окно») Россия рассчитывает найти общий язык с объединенной Европой. В этой ситуации становится актуальным вопрос об изучении Европейского Севера с точки зрения анализа «северной модели».

В российских и западных политологических кругах возник диспут о том, что такое «северная модель». Большинство из них склонны связывать это с внутренней политикой стран Северной Европы, базирующейся на идее всеобщего благосостояния.

Однако в последнее время выделяются отдельные авторы и эксперты,

которые считают, как и бывший министр образования Норвегии Кристин Клемет*, что «северную модель не следует рассматривать только как модель распределения щедрых социальных гарантий»¹. Очевидно, в этом не последнюю роль играет трансформация концепций от «северного баланса» (включающей традиционные пять северных

МАРКУШИНА Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет). *E-mail:* nat-markushina@yandex.ru

Ключевые слова: «мягкая безопасность», концепция «Нового Севера», международные организации, «Северное измерение», внешние связи регионов, «северная модель», «северная цивилизация», «северная безопасность».

* *Клемет Кристин* – ныне директор Норвежского экспертно-аналитического центра *Civita*.

стран – Швецию, Финляндию, Данию, Норвегию, Исландию) к «Новому Северу» (с более широкими географическими рамками, куда входит и Северо-Запад России).

Окончание холодной войны и крах Советского Союза в начале 90-х годов XX в. привели к распаду биполярной структуры, сложившейся к тому времени в международных отношениях. Ведущей тенденцией общественного развития стало формирование многополярной системы. Но не только России необходимо было определить свою будущую форму и содержание (в данном случае федерализм). В независимости от лагеря, в котором они пребывали в период холодной войны, перед таким выбором были поставлены и многие наши соседи. Трансформировалось годами налаженное геополитическое восприятие государств.

Изменения не могли не коснуться и Скандинавских стран, и теории так называемого «северного баланса», некоего военно-политического равновесия в данной части Европы. Сторонники этой концепции утверждали, что членство Норвегии, Дании и Исландии в НАТО «уравновешивается» нейтралитетом Швеции и политикой особых договорных отношений Финляндии с Советским Союзом (в том числе и по «линии Паасикиви – Кекконена»). Чтобы сохранить суть баланса, нужно было изменить его содержание.

Расширение ЕС в Северной Европе и вхождение в его состав Финляндии и Швеции (1995 г.) поставили вопрос о новой концепции приграничного и регионального сотрудничества.

В своем концептуальном выступлении на Генеральной ассамблее Северного форума (Санкт-Петербург 24 апреля 2003 г.)* прези-

дент Исландии Олафур Рагнар Гримссон отметил, что «трансформация европейских и межатлантических отношений в последние годы была значительной и привела к широкому ряду перемен.

Положительное влияние этих значительных событий было особенно сильным по всему Северу и привело к созданию нового политического ландшафта <...> Были созданы новые государства и формы регионального сотрудничества.

Впервые в истории на Севере существует взаимосвязанная сеть организаций, охватывающая территорию, включающую Россию, страны Балтийского и Баренцева морей, страны Северной Европы, проходящую через Атлантический океан и Гренландию и, наконец, включающую Канаду и Соединенные Штаты Америки»².

Таким образом, говоря о «северной модели», мы можем предложить следующие понятия – «северная цивилизация», «северная безопасность», «сеть северных региональных организаций» (включающих три направления – Баренцево, Балтийское, Арктическое), «северная геоэкономика», «северная социально-культурная компонента», «северное измерение». Исходя из этого понимания «северной модели» и следует выстраивать северную стратегию Российской Федерации.

При этом нельзя не согласиться со словами О. Р. Гримссона, что «регион может рассматриваться как лабораторная модель, показывающая пример того, как старые государства и администрации регионов, провинций и городов, входящих в состав федеральных структур, могут в начале XXI в. создавать активные модели международного сотрудничества и таким образом трансформировать старую модель дипломатического взаимодействия»².

Несомненно, все это говорит о том, что «северная цивилизация» (в последнее время все чаще используемый термин) в новых условиях играет бо-

* В этой речи в Санкт-Петербурге президент Исландии Олафур Рагнар Гримссон сформулировал концепцию «Новый Север».

лее существенную роль в международных отношениях и как особая геополитическая общность, и как регион нового развития³.

По мнению российских исследователей, «в последнее десятилетие в лексикон европейских политиков и исследователей начинает входить термин „северная цивилизация“». Под ним понимается (как особая геоэкономическая, геокультурная и геополитическая зона) регион Северной Европы. Использование этого термина отражает усиление поля Северной Европы (как и повышение экономического и геополитического значения всего бассейна Северного Ледовитого океана) в глобальной конфигурации мира⁴.

Таким образом, наряду с глобализацией стихийно или целенаправленно формируются региональные центры экономического, политического и культурно-цивилизационного характера.

Согласно определению профессора И. В. Зеленовой, «формирование концепций идентичности становится для этих региональных центров важнейшей задачей, решение которой немыслимо без комплексного учета факторов внутрирегиональных и международных политических процессов на региональном и межрегиональном уровнях»⁵.

По мнению российского эксперта Г. И. Назина, «уровень цивилизации определяется созданной ею средой обитания. С этой точки зрения необходимы серьезные проектные проработки как на уровне систем территориального управления, так и на уровне технологий, формирующих стандарты качества жизни на Севере. Мегацелью является формирование эффективного северного сообщества»⁶.

Также нельзя забывать, что большую часть территории России, с точки зрения геополитики, можно отнести к понятию «северные территории». Таким образом, для страны является стратегической необходимостью поддерживать сотрудничество на Севере. Особенно это важно для Северо-Западного региона России.

С этим согласен и российский исследователь Ю. С. Дерябин: «Существенно раздвинулись географические рамки, изменилась конфигурация североευропейского региона. Возникло и все больше входит в оборот понятие „новая Северная Европа“, охватывающая и „традиционные“ северные страны, и обретшие свою независимость государства Балтии, и Россию в лице ее северо-западных регионов. Поскольку составной частью Северной Европы является Балтийское море, то вполне естественно включить в рамки „новой Северной Европы“ также и Польшу, и Германию, во всяком случае районы, примыкающие к Балтике»⁷.

Профессор Сургутского государственного университета Тен В. А., рассуждая о «северной цивилизации», считает, что если под северными регионами следует «понимать обширные территории Евразийского и Североамериканского континентов, прилегающие к Северному Ледовитому океану и находящиеся севернее 60° с. ш., то в зоне Севера окажутся очень разнообразными по природно-климатическим, экономическим, социальным, политическим, культурным и другим признакам районы мира (например, вся Финляндия, вся Исландия, почти вся Норвегия и Швеция, весь остров Гренландия, полуостров Чукотка, почти весь полуостров Аляска и полуостров Камчатка, Кольский полуостров, почти половина территории Канады, большая часть всей Сибири и чуть ли не треть территории Европейской России)»⁸.

Говоря о Севере с цивилизационной точки зрения, следует отметить тесную взаимосвязь территорий, составной частью которых является и Россия. Развитие экономических связей, сотрудничества в рамках «мягкой безопасности», общее понимание человеческих ценностей, близость в социокультурном отношении, стремление к обеспечению высокого уровня жизни создают этот особый вид цивилизации.

В этом контексте в рамках «северной модели» разделение вопросов безопасности на «жесткую» и «мягкую» выглядят несколько искусственно, поскольку одна не может заменять дру-

гую, и они скорее дополняют друг друга⁹. Анализируя более характерные для Северной Европы черты безопасности, следует признать, что они, действительно не замыкаются только на «мягких» формах безопасности. Скорее, ориентируясь на концепцию К. Дойча «сообществ безопасности» (*security community*), мы можем говорить об уникальной системе «северной безопасности». К. Дойча предлагал схему, при которой все действующие лица сообщества настолько интегрированы, что появляется чувство взаимной общности, или «северной общности»¹⁰, которая дает всем уверенность в преодолении разногласия без использования силы¹¹. Можно выделить несколько ее важных составляющих.

1. Формирование системы «мягкой безопасности», делающей акцент не столько на военно-политических (как в традиционной «жесткой системе»), сколько на общеполитических, социальных, экологических, экономических, этнических, религиозных и других аспектах международного сотрудничества. Такой новый, «всеобъемлющий» подход к вопросам безопасности прочно утвердился в северных странах в 90-е годы на государственном уровне и превратился в один из основных принципов их геополитики¹².

2. Регионализм. Некоторые аналитики видят в Северной Европе авангард будущей Европы, для которой будут характерны плотные уровни регионализации. Это и является ядром североевропейской идентичности. Сеть взаимодействий национальных, субнациональных, межнациональных, государственных и негосударственных частных и общественных организаций, агентств и институтов столь плотная, что государственные границы практически потеряли свое значение¹³.

3. Взаимодействие в рамках международных организаций как сотрудничество с НАТО и Европейским союзом,

так и сетью невоенных организаций (Совет Балтийских государств, Совет Баренцева / Евро-Арктического региона и т. д.)¹⁴.

4. Сходство природных условий, образа жизни, языка, общность исторической судьбы.

5. Северные ценности. Права человека, права этнических, религиозных и сексуальных меньшинств и социальная справедливость находятся на вершине системы ценностей североевропейцев, что также находит свое отражение и в их политике безопасности¹⁵.

Модели северного общества, северной экономики и северного государства сходны и определяются как государства благоденствия с четко выраженными чертами институционализации всех сфер жизни человека. Человек при этом есть средство и цель¹⁵.

6. Минимальная опасность возникновения региональных конфликтов и военной конфронтации на севере Европы. Однако в этом пункте следует учитывать, что север Европы по-прежнему остается активным районом деятельности крупных группировок военно-морских флотов и военно-воздушных сил ядерных держав.

Изменилось положение Скандинавских стран в сфере военной безопасности и с появлением новых государств Балтии: «Скандинавские страны, доселе не имевшие зон преимущественного влияния, получили страны Балтии в качестве своей периферии, которая требует постоянной политической заботы и дипломатической поддержки, значительной экономической помощи и потока инвестиций, гуманитарных поставок и т. д.»¹⁶.

Поэтому именно анализ роли Российской Федерации в Северном регионе через призму «северной безопасности» и понимание концепции «Нового Севера», активно обсуждаемой политиками северных стран, должен помочь России в формировании её политики в этом направлении.

Когда международный порядок диктует «не только установление конфигурации силы, но также и конфигурацию доминирования социальных намерений»¹⁷, рост международных экономических, научно-технических, экологических, культурных и других связей приводит к институционализации международных организаций. Институционализация в данном случае понимается как процесс развития международных отношений, связанный с появлением и бурным ростом института международных организаций. При анализе становления института международных организаций следует учитывать два существенно важных аспекта институционализации, определенные Е. А. Шибаевой¹⁸.

Первый, условно называемый внешним, состоит в значительном увеличении на международной арене количества международных организаций и органов, опосредующих отношения суверенных государств друг с другом, между суверенными государствами и международными организациями, самих международных организаций друг с другом.

Второй аспект, условно называемый внутренним, связан с деятельностью внутреннего организационного механизма международных организаций. Он определяется появлением в их структуре новых элементов, касающихся вида и состава органов, процедуры принятия решений, компетенции международных организаций.

Таким образом, международно-политический курс северных стран под воздействием изменений 90-х годов XX в. (главным образом распада СССР) и поисков попыток обеспечить безопасность имеет двойственную тенденцию: с одной стороны, к сближению стран Северной Европы в систему региональных международных организаций, а с другой – противоречия на уровне НАТО и ЕС.

Следует отметить диверсифицированную модель членства Северной Европы в этих международных органи-

зациях, а также различные статусы государств – от активных членов военно-политической организации НАТО до нейтральных.

Так, например, Норвегия, один из старейших членов НАТО, в соответствии с конституцией не допускала размещения ядерного оружия и присутствия иностранных сил на своей территории в мирное время, хотя разрешает проведение натовских учений. При этом Норвегия не член ЕС.

В Северной Европе и Балтии самая развитая система региональных организаций. Первая попытка самостоятельного форума на Севере Европы была предпринята в 1952 г., когда был учрежден Северный совет. Для решения основных проблем Северной Европы комитеты Северного совета поддерживают контакты и обмениваются информацией с ЮНЕСКО, ВТО и ЮНИСЕФ.

На сессии Северного совета приглашается Парламентская ассамблея ОБСЕ.

Именно Северный совет является инициатором и центром сети сотрудничества по трем северным направлениям: Балтийскому, Арктическому и Баренцеву.

Северный совет в 1993 г. провел конференцию парламентариев Арктического региона, результатом которой стало образование в 1994 г. Постоянного комитета парламентариев Арктического региона.

Комитет установил связи с Арктическим советом (правительственная организация государств региона), каждые два года он проводит свою конференцию.

В дополнение к деятельности Совета Баренцева/Евро-Арктического региона Северный совет провел первую конференцию парламентариев Баренцева региона (1999 г.), явившуюся началом парламентского сотрудничества в регионе Баренцева моря.

В 1971 г. был организован Совет министров Северных стран (СМСС), который является межправительственным органом сотрудничества пяти северных стран.

5–6 марта 1992 г. в Копенгагене была основана межправительственная организация Совет государств Балтийского моря.

Подобная интеграционная политика, несомненно, придает «северной мо-

дели» свою специфику. Не стоит забывать, что эта политика базируется и на понимании «северной безопасности», и на так называемом «северном сотрудничестве» (специфической форме социально-экономических, политических, научных, культурных и иных взаимосвязей между ними).

Если говорить о сотрудничестве регионов нашей страны, то к категории межправительственных международных организаций с участием субъектов Северо-Западного федерального округа относятся Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцев/Евро-Арктического региона, Арктический совет, а также старейший Совет министров Северных стран, которые известны под общим названием «Четыре Совета»¹⁹.

К категории неправительственных международных организаций относится только Северный форум*, созданный в 1991 г.

Несомненно, своеобразие сотрудничеству России в северных региональных организациях придает тот факт, что Россия не является членом ни Европейского союза, ни Организации Североатлантического договора. Российской Федерации также необходимо учитывать, что становление институтов региональных международных организаций с конкретными краткосрочными и долгосрочными проектами является «своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации»²⁰. И если Россия рассчитывает занимать лидирующие позиции в мировой политике, ей следует закрепиться и на региональном уровне.

Уже неоднократно звучавшая тема тесного взаимодействия региона Северной Европы и ЕС нашла свое отражение в проекте «Северное измерение», напрямую затрагивающим как Российскую Федерацию в целом, так

Северо-Западный федеральный округ, в частности. Трансформация российской политики по отношению к «Северному измерению» во многом связана с изменениями, происходившими с самим проектом.

Следует выделить несколько уровней, на которых шло концептуальное формирование идей «Северного измерения».

Первыми, очевидно, были попытки представить идею на государственном уровне. После вступления Финляндии (1995 г.) в Европейский союз финская правящая элита попыталась представить идею «Измерения» как одну из граней «северной модели». «Человеческое измерение» должно было символизировать собой объемность процесса, начатого в 70-е годы XX в. Хельсинскими соглашениями, то есть обеспечение прав и свобод человека, развитие демократических институтов, верховенство закона, создание гражданского общества²¹. Подобную попытку пытался предпринять и Горбачев, заявивший о возможном безъядерном статусе Севера (г. Мурманск, 1987 г.). Став правопреемницей Советского Союза, по мнению западных исследователей, Россия несколько изменила свою точку зрения, а именно: Россия в «Северном измерении» видела альтернативу членства в НАТО (имелся в виду вопрос членства в НАТО Балтийских государств)²⁷, гарантию безопасности страны и аналог ОБСЕ.

Вторым этапом стал переход идеи на уровень международной организации. Осенью 1997 г. правительство Финляндии во главе с Пааво Липпоненом первым выдвинуло концепцию «Северного измерения» на конференции в Рованиеми (Финляндия)²³.

Главная идея состояла в развитии сотрудничества ЕС и России с акцен-

* Северный форум был создан как механизм постоянного взаимодействия лидеров местных властей, способных представлять мнения общественности Севера.

том на её Северо-Западные регионы, а также с государствами Балтии и Польшей. Так, «Северное измерение» стало проектом Европейского союза, который хоть и опирался на привычный для Севера набор вопросов «мягкой безопасности», но исходил из своих собственных интересов. Конечно, это был для регионов России большой прорыв по их участию во внешнеполитической деятельности.

Особую роль следует, конечно, отвести Северо-Западному федеральному округу, который объединяет 11 субъектов Федерации. Мощный социально-экономический потенциал и возможности для развития внешнеэкономической и международной деятельности позволяют ему занимать лидирующие позиции среди других российских регионов²⁴.

Тем не менее нельзя сказать, что с самого начала работа по «Северному измерению» шла гладко. В дальнейшем анализ проблем реализации концепции «Северного измерения» Евросоюза продемонстрировал, что к кризису привело именно региональное сотрудничество между ЕС и Российской Федерацией. В этом отчасти была вина и ЕС, не понимавшего (и зачастую не принимавшего) изменений, происходящих с российскими регионами (в частности, укрепление вертикали власти). Но при этом, конечно, нельзя не учитывать и проблемы внутри Федерации. Регионы первоначально имели слабое представление о своих приоритетах, а государство в тот период не могло все контролировать («берите суверенитета сколько можете»²⁵). В итоге Россия принципиально ушла от участия во втором плане, поскольку действия ЕС и интересы страны шли вразрез.

Если говорить об удачах «Северного измерения», то, несомненно, они достигались за счет того, что опирались на все те же старые северные ценности –

экологию и здравоохранение (природоохранное партнерство «Северного измерения» и Программа по борьбе со СПИД и туберкулезом в проекте «Северного измерения»).

Вследствие подобной политики у проекта «Северное измерение» было два пути – закрытие или эволюция в принципиально новом направлении. В Хельсинки 24 ноября 2006 г. на встрече на высшем уровне Россия – Евросоюз состоялось подписание рамочного документа и политической декларации²⁶. В обновленной концепции «Северного измерения» именно рамочному документу суждено было заменить очередной план действий. Документ вступил в силу 1 января 2007 г.

Третий, и последний, уровень на сегодняшний день предполагает равноправное сотрудничество между Россией, Норвегией, Исландией и Европейским союзом. Конечно, ведущая роль по-прежнему возлагается на российские регионы. Но нельзя исключать и государство, которое надеется с помощью «Северного измерения» заполнить пустоту четырех общих пространств (так называемых «дорожных карт»), подписанных 10 мая 2005 г. в Москве между Россией и ЕС.

На рабочих совещаниях были определены основные направления работы:

1. Природоохранное партнерство. Это направление было успешно в рамках «Северного измерения» ЕС. Поэтому неудивительно, что на него и теперь возлагают большие надежды и выделяют грантовое финансирование.

Среди реализованных проектов с участием России следует назвать строительство юго-западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге (завершено в сентябре 2005 г., общая сумма инвестиций 193,8 млн евро), сооружения защиты Санкт-Петербурга от наводнений (2000 млн евроинвестиций), строительство очистных сооружений в Сосновом Бору (3,3 млн евроинвестиций)²⁷.

2. Партнерство «Северного измерения» в области общественного здравоохранения и социального благополучия (создано в 2003 г. по инициативе Финляндии и Норвегии).

Работают четыре экспертные группы – по ВИЧ/СПИД, по вопросам здорового образа жизни, по первичному здравоохранению, по улучшению уровня социального благополучия населения. Финляндия выделила в общей сложности около 1,5 млн евро на проекты, реализуемые на северо-западе России²⁷.

Также среди интересных и достаточно характерных для «северных ценностей» проектов следует назвать разработку и принятие стратегии и декларации по здравоохранению в тюрьмах.

3. Партнерство «Северного измерения» в области транспорта и логистики, которое на данном этапе демонстрирует весьма скромные результаты.

Пожалуй, главным достижением можно назвать только подписание в октябре 2009 г. в Неаполе Меморандума о взаимопонимании,

устанавливающий механизм учреждения партнерства «Северного измерения» в области транспорта и логистики.

4. Культурное партнерство «Северного измерения». Еще в период председательства Финляндии в ЕС (2006 г.) началась работа над программой сотрудничества между ЕС и Россией в сфере культуры.

В 2009 г. в Хельсинки прошел культурный форум по партнерству, подтвердившей основные направления сотрудничества²⁷.

5. Существует и ядерно-экологическая программа в России (МНЭПР), соглашение о создании которой было подписано в 2003 г.

Природоохранное партнерство «Северного измерения» приняло Стратегический мастер-план по утилизации выведенных из эксплуатации атомных подводных лодок, надводных кораблей с ядерными установками и экологической реабилитации береговых объектов обслуживающей инфраструктуры на северо-западе России²⁸.

Таким образом, говоря о Российской Федерации и «северной модели», следует отметить, что за последние годы в «северной деятельности» России и российских регионов произошли определенные позитивные сдвиги. Во многом это связано с появлением и реализацией концепции «Нового Севера», что позволяет по-новому определить характер контактов с северными партнерами.

Изучение «северной модели» и участие России в ее формировании очень важно как для безопасности Российской Федерации, так и для разработки внешнеполитической стратегии в трех приоритетных направлениях – Арктическом, Баренцевом и Балтийском.

Следует также отметить, что «Северное измерение» наиболее перспективное направление в сотрудничестве России и Евросоюза и в вопросах безопасности, и ценностных ориентирах, и региональном сотрудничестве. Все это свидетельствует о том, что северная политика важна и для России, и для ее партнеров.

Примечания

¹ «Северная модель»: социальный капитализм? // <http://www.norden.ru/NewsPreview.aspx?id=518&lang=ru>

² Гримссон О. Р. Новый Север: Инновации и возможности в XXI веке // http://www.northernforum.org/peter_ga03.html

³ Северная Европа. Регион нового развития/ под ред. Ю. С. Дерябина, Н. М. Антюшиной. М., 2008. С. 9.

- 4 Маркушина Н. Ю. «Северное измерение» – цивилизационный аспект // Диалог в полицентрическом мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010. С. 190.
- 5 Зеленева И. В. Роль национального государства в мировой политике. СПб., 2010. С. 91.
- 6 Назин Г. И. Северная цивилизация: настоящее и будущее // Материалы I Конгресса «Северная цивилизация». Становление, проблемы перспективы. Сургут, 2004. С. 11.
- 7 Дерябин Ю. С. «Северное измерение» ЕС: проблемы и перспективы // <http://www.journal.leontief.net>
- 8 Тен В. А. О единстве северных регионов и их цивилизационной характеристике // Материалы I Конгресса «Северная цивилизация». Становление, проблемы перспективы. Сургут, 2004. С. 11.
- 9 Воронов К. «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 77.
- 10 Колмиссаров Ю. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского Севера. М., 1989. С. 128.
- 11 Browning C., Joenniemi P. Regionality Beyond Security? The Baltic Sea Region after Enlargement // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39. P. 235.
- 12 Белобородова И. Н. «Северное измерение» в Европе: поиски гецивилизационных координат // ПОЛИС. 2000. № 4. С. 163.
- 13 Paulauskas K. Security Dimension of Northern Europe after the Double Enlargement // Baltic Defence Review. 2004. № 11. Vol. 1. P. 106, 107.
- 14 Kari M. Security in Northern Europe – Combining and Reinforcing National, Regional and Wider European Policies // Visions of European Security – Focal Point Sweden and Northern Europe. Olaf Palme International Center, 1996.
- 15 Исаев М. А., Чеканский А. Н., Шишкин В. Н. Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., 2000. С. 135.
- 16 Воронов К. Россия в североатлантическом регионе: цена сближения // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 7. С. 31.
- 17 Keely J.F. Towards a Foucauldian Analysis of International Rejimes // International Organization. 1990. № 44 (1). P. 93.
- 18 Шубаева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. М.: Международные отношения, 1986. С. 11–12.
- 19 Age M., Hallgeir A., Mats B. Regional Organization in the North // Nordregio Working Paper 2000:8.
- 20 Михеев В. В. Логика глобализации и интересы России // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4, С. 56.
- 21 Россия в «Северном измерении». Интервью главного редактора журнала «Обозреватель-Observer» с Юрием Дерябиным, Чрезвычайным и Полномочным послом РФ, руководителем Центра Северной Европы Института Европы РАН // http://www.nasledie.ru/oboz/N09_00/9_02.HTM
- 22 Pursiainen C., Saari S. Et tu Brute! Finland's NATO Option and Russia. Ulkopoliittinen instituutti. The Finnish Institute of International Affairs 2002 // www.upi-fiia.fi
- 23 Haukkala H. (ed.) Dynamic aspects of the Northern Dimension. Turku: Jean Monnet Unit University of Finland, 1999. P. 11.
- 24 Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Концепция регионального институционализма. На примере Северо-Западного округа // «Обозреватель-Observer». 2010. № 4. С. 7.
- 25 Стратегические приоритеты регионального развития. От теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства/ под ред. В. В. Окрепилова. СПб., 2010. С. 24.
- 26 Устинов Н. Северное измерение Европы и России // <http://www.rosbalt.ru/2007/05/08/295600.html>
- 27 «Северное измерение». Хельсинки: МИД, 2009. С. 8, 19.
- 28 Кондратьева Н. Б. Регионы России и Европейского союза на пути к строительству общего экономического пространства. Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2008. С. 12.